



NOVEMBER 11, 2021

THE INTERNATIONAL RESEARCH SEMINAR

**“Intellectuals and Power
in Britain and Russia:
Ideas and Values in the
Transition Era
(the 17th – 18th
centuries): conflict of
interpretations and
semantic shift”**

English society shall not be seen for itself alone, but alongside French, German, Spanish, Dutch, Italian, Scandinavian society, as one variation on the western European pattern. But even this cannot be wide enough. Russian and Eastern European societies, Asian, African and Latin American societies too, are relevant to the study of our own, if contrast is what we are in need of. The object of the English historian of his own country may remain to get to know his own society, but now as one amongst others.

Peter Laslett, *The World We Have Lost: England Before the Industrial Age* (1965)

As the cover page there is the work of Joseph Wright of Derby
“A Philosopher Giving that Lecture on the Orrery, in which a Lamp is put in place of the Sun,
or The Orrery” (1766)

International Research Seminar*
**Intellectuals and Power in Britain and Russia:
Ideas and Values in the Transition Era (the 17th – 18th Centuries):
Conflict of Interpretations and Semantic Shift**

November 11, 2021

The abstracts

Chair of the Organizing Committee L o r i n a R e p i n a , Dr. habil. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, President of the Russian Society for Intellectual History.

Co-Chair of the Organizing Committee S i m o n D i x o n , PhD, Sir Bernard Pares Professor of Russian History at the School of Slavic and Eastern European Studies, University College London.

Moderator of discussion A n n a D e r g a c h e v a , MA (History), independent scholar.

*with support of The Russian Science Foundation, project 19-18-00186 "Culture of the Spirit" vs "Culture of the Reason": Intellectuals and Power in Britain and Russia in the Transition Era (XVII-XVIII centuries)

Welcome address

On behalf of UCL SSEES, I am delighted to welcome you to the latest International Research Seminar, staged in conjunction with the Ural Federal University and the Russian Society for Intellectual History. The seminar represents a further instalment in the work of the research project currently underway on Intellectuals and Power in Britain and Russia in the Age of Transition - an innovative attempt to examine the relationship between political ideas and political power in two states which have more often been contrasted than compared. From the outset, the parallels explored by this project have offered a suggestive stimulus for reflection and a fruitful basis for international scholarly collaboration. The papers on this seminar's programme are no exception and I greatly look forward to hearing them.

Simon Dixon
Sir Bernard Pares Professor of Russian History, UCL
General Editor, Slavonic and East European Review
simon.dixon@ucl.ac.uk

Veronika Vysokova

“The World We Have Lost”: Britain and Russia in the Era of Transition, 17th - 18th centuries

Dr. hab. (History),
professor, Department for
Modern and Contemporary
History, Ural Federal
University, Yekaterinburg

vyssokova@mail.ru

The report is devoted to the historical-comparative analysis of the role of intellectuals in the formation of a «new political order» in Britain and Russia in the 17th-18th centuries. The turn of the century is considered as a moment of dramatic rupture between the ‘culture of reason’ based on the rationalistic worldview and the ‘republic of letters’, and the ‘culture of the spirit’ based on Christian morality and the oral tradition of the word. Formation of the committed positions of intellectuals (from self-taught to monarchs), their strategies for the approval of ideas in society, influence on the adoption of power decisions in the transition era in Britain and Russia in the 17th - 18th centuries, are regarded on the example of three main trends paradigmatic context for the growth of ideas - the discourse of the idea of a regular state; imperial discourse and discourse of the formation of new moral and ethical values. The author comes to the conclusion about the typological similarity of the two cultures in the formation of a «new political order» and its close connection with the accumulation of natural science knowledge and the formation of a secular moral and ethical canon. It is shown that the intense intellectual impact of a small group of educated people led to the victory of the ‘culture of reason’ in both national cases. However, in Britain, the establishment of a «new political order» was associated with the victory of individualistic morality and an orientation towards earthly life. In the Russian intellectual field of the 17th-18th centuries reveals the prevalence of the influence of intellectuals on society through church homiletics and rhetoric, as well as rejection of the ‘culture of reason’ represented by the first persons of the state - Peter I and Catherine II.

Сообщение посвящено историко-компаративному анализу роли интеллектуалов в формировании «нового политического порядка» в Британии и России XVII-XVIII вв. Рубеж веков рассматривается как момент драматического разрыва «культуры разума», опирающейся на рационалистическое мировоззрение и «республику писем», с «культурой духа», основанной на христианской морали и традиции устного слова. Формирование идейных позиций интеллектуалов (от самоучек до монархов), их стратегий утверждения идей в социуме, влияние на принятие властных решений в эпоху перемен в Британии и России XVII-XVIII вв. рассматриваются на примере трех основных трендов когнитивного поля «эпохи перемен»: дискурса идеи регулярного государства; имперского дискурса и дискурса формирования новых морально-этических ценностей. Автор приходит к

выводу о типологическом сходстве двух культур в процессах формирования «нового политического порядка» и его тесной связи с накоплением естественно-научного знания и формированием светского морально-этического канона. Показано, что напряженный интеллектуальный поиск немногочисленной группы образованных людей привел к победе «культуры разума» в обоих национальных случаях. Однако в Британии утверждение «нового политического порядка» оказалось связано с победой индивидуалистической морали и ориентацией на достижение земных благ. В российском интеллектуальном поле XVII-XVIII вв. обнаруживается преобладание воздействия интеллектуалов на социум через церковную гомилетику и риторику, а также неприятие «культуры разума», представленной первыми лицами государства – Петром I и Екатериной II.

Matthew Binney

**Milton, Commonwealth and
Russia**

PhD (Philology), professor,
Eastern Washington
University, Washington,
USA

mbinney@ewu.edu

Scholars agree that Milton offers primarily a negative view of Russia in *A Brief History of Moscovia*, yet some have also identified positive descriptions of Russian czars, people, and church. Negative and positive descriptions work together in relation to Milton's view of the past and his focus on one state, offering a "Pattern or Example" that emerges from his distinctive political philosophy and represents his ethical concerns. Milton demonstrates that sovereigns and subjects must exercise their reason and liberty of choice to choose the common good over private interest; the church must reject superstition and formality to liberate the mind; and a Protestant tradition cultivates independence. These are realized by Aristotelian kings, a vigilant regenerate, and liberty of choice in liturgy and conscience. These ethical concerns offer at once a reproach to leaders and events and also ideas and rhetoric for framing late seventeenth-century political discourse that represents Russia.

Исследователи согласны в том, что Мильтон в «Краткой истории Московии» создает в целом отрицательный образ России, хотя и отмечает некоторые положительные черты русских царей, народа и церкви. Негативные и позитивные характеристики нужны Мильтону для того, чтобы на примере прошлого одного государства предложить «Пример, или Образец», воплощающий политическую философию автора и его этические воззрения. Мильтон показывает, что правители и подданные должны использовать свой разум и свободу выбора, чтобы делать выбор в пользу общего блага, а не частного интереса. Церковь обязана бороться с суевериями и формализмом, чтобы раскрепостить разум, а протестантская традиция должна возвращать независимость. Эти идеи Мильтон воплощает, прибегая к описанным у Аристотеля образам царей и идее духовно возрожденных граждан, свободы совести и вероисповедания. В контексте данных этических воззрений, не лишенных укора по отношению к правителям и событиям, а также идей и риторики, свойственных политическому дискурсу конца XVII столетия и предстает Россия.

Lorina Repina

Ideas of "patriot" and "patriotism" in Britain and Russia in the 18th century

Dr. habil. (History),
Corresponding Member of
the Russian Academy of
Sciences, President of the
Russian Society for
Intellectual History, Moscow
lorinarepina@yandex.ru

In historiography there is no holistic study of the history of the concepts of "patriot" and "patriotism" both in Britain and in Russia, as there is no comparative study using a sufficiently wide range of sources. There is a circle of well-known texts, which traditionally fall into the focus of attention of researchers interested in the history of the concepts of "patriot" and patriotism "in the public and political life of Britain during the Enlightenment. And an equally familiar circle of texts traditionally involved in the analysis of the "patriotic consciousness" of the Russian elite in the 18th - early 19th centuries, and these texts are radically different from the British in their genre characteristics. With regard to the English material, the priority is given to patriotic rhetoric in journalism, in the stormy polemics in the pro-government and opposition press of the middle of the century (including about "true" and "imaginary" patriots, about "true" and "false" patriotism), and it is dominated by a component that can, with a certain degree of convention, be designated as "oppositional-political". On Russian material, the preferences of researchers are concentrated in the space of rhetorical poetry and ego-sources, reflecting the "patriotic ideals" of the upper class, "sons of the Fatherland" in the spirit of "monarchical patriotism".

The report, of course, does not set the task of a full-scale study of the "patriotic" discourse and even only the concepts of "patriot" and "patriotism" in the two countries over a century and a half. The author's task is much more modest - to offer two interesting but little-known texts for consideration in the space of this issue, contrasting in their goals, genre, presentation method and at the same time complementing our ideas about the differences and similarities in the images of a "patriot" in two intellectual cultures of the Enlightenment. These texts are: 1) Maxims Concerning Patriotism (first published in 1750 in Dublin) by the eminent philosopher, Bishop of Cloyne in the Church of Ireland, George Berkeley, and 2) Sermons (read 1775-1782 biennium) Archimandrite of the Epiphany Monastery, rector of the Slavic-Greek-Latin Academy, vicar of the Moscow diocese (later - bishop of Nizhny Novgorod diocese) Damaskin (Dmitry Semenov-Rudnev). Using a comparative analysis, the author proceeds from the need to search not only for identical words, but above all for their analogs, i.e. words with similar conceptual content. Since the conceptual loading of a concept is revealed in the context of its use, then in each individual case it is about clarifying the context (both general historical circumstances and the specific situation of creating and presenting a text), as well as clarifying the genre characteristics of the text in question. As a result of the comparison, the author concludes that the expansion of the genre

spectrum of the studied texts allows one to see not only linguistic and conceptual differences, but also very significant semantic similarities.

В историографии нет целостного исследования истории понятий «патриота» и «патриотизма» как в Британии, так и в России, нет и компаративного исследования с использованием достаточно широкого круга источников. Есть круг хорошо известных текстов, как правило публицистических, которые традиционно попадают в фокус внимания исследователей, интересующихся историей этих понятий в общественной и политической жизни Британии эпохи Просвещения. И столь же привычен круг текстов, традиционно привлекаемых к анализу «патриотического сознания» российской элиты в XVIII – начале XIX в., причем эти тексты радикально отличаются от британских по своим жанровым характеристикам. В отношении английского материала приоритетом пользуется патриотическая риторика в публицистике, в бурной полемике в проправительственной и оппозиционной прессе середины столетия (в том числе об «истинных» и «мнимых» патриотах, об «истинном» и «ложном» патриотизме), и в ней преобладает составляющая, которую можно с определенной долей условности обозначить как «оппозиционно-политическая». На российском материале предпочтения исследователей сосредоточены в пространстве риторической поэзии и эго-источников, отражающих «патриотические идеалы» высшего сословия, «сынов Отечества» в духе «монархического патриотизма».

В докладе, разумеется, не ставится задача полномасштабного исследования «патриотического» дискурса и даже только понятий «патриота» и «патриотизма» в двух странах на протяжении полутора столетий. Задача автора гораздо скромнее – предложить к рассмотрению в пространстве данной проблематике два интересных, но малоизвестных текста, контрастирующих по своим целям, жанру, способу презентации и при этом дополняющих наши представления о различиях и сходствах в образах «патриота» в двух интеллектуальных культурах эпохи Просвещения. Эти тексты: 1) Максимы о патриотизме (Maxims Concerning Patriotism) (впервые опубликованы в 1750 г. в Дублине) выдающегося философа, епископа

(Bishop of Cloyne in the Church of Ireland) Джорджа Беркли (George Berkeley) и 2) Проповеди (читанные в 1775–1782 гг.) архимандрита Богоявленского монастыря, ректора Славяно-греко-латинской академии, викария Московской епархии (позднее - Нижегородского епископа) Дамаскина (Дмитрия Семенова-Руднева). Используя сравнительный анализ, автор исходит из необходимости поиска не только идентичных слов, но прежде всего их аналогов, т.е. слов с аналогичным концептуальным содержанием. Поскольку концептуальная нагруженность понятия выявляется в контексте его употребления, то в каждом отдельном случае речь идет о прояснении контекста (как общих исторических обстоятельств, так и конкретной ситуации создания и презентации текста), а также уточнения жанровых характеристик рассматриваемого текста.

В результате проведенного сопоставления автор делает вывод о том, что расширение жанрового спектра изучаемых текстов позволяет увидеть не только языковые и концептуальные различия, но и весьма значимые смысловые сходства.

Andrey Zorin

**Intellectual Adventures
of Russian Abolitionist:
Radishchev, Slavery and
the American Constitution**

Dr. habil. (Philology),
professor. University of
Oxford, Oxford, UK,
School of Social and
Economic Sciences, Moscow

andrei.zorin@mod-
langs.ox.ac.uk

The report suggests new understanding of the shift in Radishchev's perception of American democracy from the early version of an ode "Liberty" to the final text of the "Journey from Saint Petersburg to Moscow". Radishchev's historical and political theories, presented in 'Liberty', are interpreted not as an abstract social utopia, but as a reaction to specific historical events – that is, revolution in English colonies and an experiment in institutionalizing new society based on ideals of equality and freedom. The adoption of American constitution was the main reason for his disappointment in USA. The evolution of Radishchev's views is analysed within the context of the American debate between Federalists and Antifederalists and the discussions about the New World in France and especially political philosophy of Nicola Condorcet and the debates on representation of the slave-owning colony of Santo-Domingo in Assemble National. The report investigates the key sources of information, which possibly influenced Radishchev's opinions and analyzes the shared features of Radishchev's ideas about the Constitution of the USA, and the critical approaches of the "abolitionist" wing of the Antifederalists. The disappointment in American experience had a decisive impact upon Radishchev's political philosophy: the adoption of federalist constitution along with the preservation of slavery meant for him the collapse of all hopes for re-shaping the society on more humane and just grounds. That, in turn, added Apocalyptic tones to Radishchev's ideas expressed in the final version of "Liberty": for author's hopes for the better future of humanity now depended not upon any political activity, but upon an intervention of Providential forces.

Доклад предлагает новое понимание изменения взглядов А.Н. Радищева на американскую демократию от ранней редакции оды «Вольность» до окончательного текста «Путешествия из Петербурга в Москву». Историко-политическая концепция Радищева, представленная в оде «Вольность», рассмотрена не как абстрактная утопия, но как непосредственный отклик на революцию в английских колониях и попытку учреждения нового общества, основанного на идеалах равенства и свободы. Показано, что основной причиной разочарования Радищева в США стало принятие американской конституции. Эволюция взглядов русского мыслителя рассматривается в контексте как полемики федералистов и антифедералистов в США, так и споров о Новом свете во

Франции, и, в особенности, политической философии Н. Кондорсе и дебатов о представительстве рабовладельческой колонии Санто-Доминго во французском Национальном собрании. В докладе будут выявлены и рассмотрены возможные источники, из которых Радищев черпал информацию о ходе событий в США и Франции, детально проанализированы черты сходства между взглядами Радищева на конституционный порядок США и критикой американской конституции со стороны «аболиционистского» крыла антифедералистов. Разочарование в американском опыте имело исключительное значение для политической мысли Радищева: принятие федералистской конституции и сохранение рабства означали для русского мыслителя крах надежд на осуществление переустройства общества на гуманных и справедливых основаниях. Это придало идеям Радищева, высказанным в окончательной редакции «Вольности», апокалиптический характер, надежды автора на лучшее будущее человечества отныне связывались уже не с сознательной политической деятельностью, но с вмешательством Провидения.

Ksenia Sozinova

**The British in St. Petersburg:
Anglo-Russian marriages in
the late 18th- and early 19th-
centuries**

PhD (History), Assistant
Lecturer, Foreign Regional
Studies Department, Ural
Federal University,
Yekaterinburg

sozinovak@gmail.com

Anglo-Russian relations have a fairly long history. A significant influence on relations between the two countries in the late 18th and early 19th centuries stemmed from private contacts between the Russians and British. Anglo-Russian contacts were characterized by not only stable diplomatic relations, an intensive exchange of specialists, the study of intellectual experiences, and the emergence of numerous travel journals written by British and Russian travellers but also by Anglo-Russian marriages, which occurred between people in public service. Such deep connections between the two cultures in the 18th century contributed to their mutual interaction and enrichment. Anglo-Russian marriages reveal the private sphere in Anglo-Russian relations: one such example includes the marriage of the famous statesman, Mikhail Speransky, and the Englishwoman, Elizabeth Jane Stevens.

Англо-русские отношения имеют достаточно длительную историю: на межгосударственные отношения двух стран в конце XVIII – начале XIX в. оказывали частные контакты русских и англичан. Англо-русские контакты характеризовались не только устойчивыми дипломатическими отношениями, интенсивным обменом специалистами, изучением интеллектуального опыта и появлением многочисленных травелогов, написанных англичанами и русскими, но и англо-русскими браками, которые заключались среди людей, связанных с государственной службой. Такие глубокие связи двух культур в XVIII в. способствовали их взаимопроникновению и обогащению. Англо-русские браки раскрывают сферу частной жизни в англо-русских отношениях, и одним из примеров таких союзов является брак известного государственного деятеля Михаила Сперанского (1772–1839) с англичанкой Элизабет (Елизаветой) Джейн Стивенс.

Stephen Taylor

Benjamin Hoadly and the political rights of dissenters in the early eighteenth century

PhD (History), professor in the History of Early Modern England, Durham University, UK

s.j.c.taylor@durham.ac.uk

Benjamin Hoadly (1676–1761) was a leading whig churchman and bishop of the first half of the eighteenth century. In modern language we would probably describe him as both a public intellectual and a political activist (though both terms are anachronistic in as far as they carry connotations about the nature of public politics and discourse that are very different from those of the eighteenth century). Hoadly was a political theorist: his *Original and Institution of Civil Government* (1709) was one of the most significant and powerful restatements and development of Lockean political theory in the period following the ‘Glorious Revolution of 1688’. He was a theologian: his *Plain Account of the Nature and End of the Sacrament of the Lord’s Supper* (1735) was a major Zwinglian intervention into Anglican debates about the sacrament. He was a political propagandist for Robert Walpole: he contributed a polemical series of letters on current political affairs to the *London Journal*. He was even a devotional writer: his *Terms of Acceptance with God* (1711) was a much-reprinted work of low church piety. But Hoadly is best remembered for his sermon on *The Nature of the Kingdom of Christ*, preached before George I in the chapel royal in 1717. The printed version of the sermon caused a political and theological storm, generating the most significant (in terms of number of publications) politico-theological controversy of the eighteenth century.

This paper will take that sermon as its starting point, highlighting both its theological and political significance, and suggesting that it was delivered at the prompting of the Sunderland-Stanhope ministry both to test the water for, and to advance the cause of, the repeal of the Test and Corporation Acts, seventeenth-century legislation which prevented protestant dissenters from holding civil and military office. In the event, and perhaps partly because of the controversy, the ministry only succeeded in passing a much more limited measure for the relief of dissenters, but Hoadly established a firm reputation for supporting the rights of protestant dissenters and was active in their cause when it re-surfaced in the 1730s. However, some years earlier, in 1703, Hoadly has published *The Reasonableness of Conformity to the Church of England*. The ensuing controversy, which included four further tracts by Hoadly, focused on the issue of dissenters’ separation from the Church of England, and Hoadly argued strongly that their separation was unjustifiable, that dissenters were, in traditional Christian language, guilty of the sin of schism. My

paper will demonstrate that the paradox between Hoadly's arguments in 1703 and 1717 is not to be explained by any change in his political and religious ideas. Rather, his claim that dissenters were both entitled to full political rights and his belief that they were guilty of schism was founded on his radical, Lockean separation of church and state. Finally, the paper will conclude with a brief reflection on the place of religious debate in the public sphere in the early eighteenth century.

Епископ Бенджамин Ходли (1676–1761) – ведущий вигский церковнослужитель первой половины XVIII в. Говоря современным языком, мы назвали бы его политическим активистом и публичным интеллектуалом (хотя оба эти понятия являются анахронизмами, поскольку дискурс и сама природа политики XVIII столетия очень отличаются от контекста, в котором они возникли). Ходли был политическим теоретиком: его «Происхождение и Устройство Гражданского Правительства» (1709) явилось одним из наиболее значительных и влиятельных примеров продолжения и развития политической теории Локка в период после «Славной революции 1688 г.». Ходли также был богословом: «Краткое сообщение о природе и конце святых даров Тайной вечери» (1735) стало главным воплощением цвинглианских аргументов в англиканских спорах о святых дарах. Он также был политическим агитатором за Роберта Уолпола: «London Journal» опубликовал его серию писем полемического толка о политической обстановке тех времен. Ходли также был религиозным писателем: его «Условия принятия Бога» (1711) множество раз были переизданы Низкой церковью.

Однако Ходли наиболее известен своей проповедью на тему «О сущности Царства Христова», прочитанной перед королем Георгом I в королевской часовне в 1717 г. Опубликованный вариант данной проповеди вызвал политический и теологический скандал, породивший наиболее значительный политико-теологический спор XVIII в.

В настоящем докладе рассматриваются ключевые положения этой проповеди, особый акцент делается на ее теологическом и политическом значениитекста, побудившего кабинет Сандерлэнда-Стэнхопа как прощупать почву, так

и продвигать в дальнейшем упразднение Актов о присяге и корпорациях, серии законодательных актов XVII в., согласно которым возможности поступления на гражданскую и военную службу были ограничены для диссентеров. На самом деле во многом благодаря этой контрверзе министры преуспели в закреплении гораздо большего числа ограничений для диссентеров, однако Ходли закрепил за собой репутацию защитника прав протестантских диссентеров и впоследствии также участвовал в повторном рассмотрении этого вопроса в 1730-х гг. Тем не менее, несколькими годами ранее, в 1703 г., Ходли опубликовал трактат «Разумные доводы в пользу следования догмам Англиканской церкви». Контрверза, которая возникнет вокруг четырех трактатов Ходли, будет сфокусирована на вопросе отделения диссентеров от Англиканской церкви. Но здесь Ходли упрямо отстаивал тезис о том, что их отделение недопустимо, а самих диссентеров обвинял в расколе. Доклад покажет, что парадокс между аргументами Ходли в 1703 и 1717 гг. объясняется не только переменами в его религиозных и политических убеждениях. Более того, его утверждение о том, что диссентерам следует предоставить все политические права, и уверенность в том, что именно они являются причиной раскола, основана на его собственном «отделении» от церкви и государства в духе локковского радикализма. В докладе делается вывод о том, какое место занимали религиозные дебаты в общественной сфере в начале XVIII в.

Alexey Popovich

**Discourse of Old Believer
sacrifice in the Early 18th
Century**

Laboratory Researcher,
Laboratory for Studying
Primary Sources, Ural
Federal University;
Yekaterinburg

alexeypopowich@mail.ru

The report presents the polemics about the Old Believers' sacrifices, caused by numerous self-immolations in the first quarter of the 18th century. Ideology and culture of the Old Believers is viewed as a "discursive field", in which the Old Believers, the state and the official church interact equally. The system of sufferings' sacralization by the Old Believers became the main object of condemnation by the Russian state and church authorities. The Old Believers used such approaches as creation and distribution of appropriate narratives, appeal to popular religiosity and veneration of new martyrs. The reporter examines multi-genre Old Believers' writings as well as decrees and admonitions, created by the authorities as parts of one discursive field and concludes, that rational methods of combating with the Old Believer's sacrifices were went with the course of saving taxed population in the Petrine era.

Feofan Prokopovich was the one who offered the most original explanations for the widespread veneration of the new martyrs among the Old Believers. His interpretation of the Beatitudes (1722), became the basis of the admonition 'On the invalidity of unauthorized suffering' (1722). According to these texts, denunciations of martyrdom included accusations of melancholy, excessive imagination, reading false stories of martyrs, and recklessness of the veneration of saints. Also there was the widespread idea that the public service was "the main instrument of Christian salvation" The active disciplinary intervention of the authorities in the sacrificial discourse and the misinterpretation of self-sacrifice spreading among the Old Believers made them to speak on a piety as an indispensable condition of salvation. The desire of the various participants of the discourse to speak on this topic made if not a specific "language", at least a whole set of experiences embodied in genetically different rhetoric.

В докладе будет представлена полемика о старообрядческой жертвенности в первой четверти XVIII в., вызванная многочисленными случаями самосожжений. Идеология и культура старообрядчества рассматривается как дискурсивное поле, в котором вместе со старообрядцами практически равноправно действуют государство и официальная церковь, влияющие на позицию друг друга. Основным объектом обличений со стороны российской государственной и церковной власти была система сакрализации староверами собственных страданий: создание и распространение соответствующих нарративов, апелляция к народной религиозности и почитание новомучеников.

Рассматривая разножанровые старообрядческие сочинения и созданные властью постановления, увещания и другие тексты, предназначенные для всенародного внимания, как части одного дискурсивного поля, докладчик приходит к выводу о закреплении в Петровскую эпоху рациональных методов борьбы со старообрядческими мучениками в рамках курса на сбережение податного населения. Наиболее оригинальное объяснение «бума» почитания старообрядцами новомучеников было предложено Феофаном Прокоповичем в толковании на блаженство изгнанных «правды ради» (1722), послужившем основой увещания «О недействительности самовольного страдания». Обличение мученичества включало в себя обвинения в меланхолии, чрезмерном воображении, чтении недостоверных повестей о мучениках и нерассудительности в почитании святых. Подспудно проводилась распространенная в это время мысль о том, что государственная служба является «главным инструментом христианского спасения». Активное дисциплинарное вмешательство власти в жертвенный дискурс и превратное толкование самопожертвования, распространившееся среди староверов, заставляло их лидеров высказываться о благочестии как непереносимом условии спасения. Стремление разных участников дискурса высказываться на эту тему породило если не особый «язык», то целый набор переживаний, воплощенных в генетически различной риторике.

Larisa Soboleva

The Representation of Ideas of Marriage in Seventeenth-Century Orthodox Sermons

Dr. habil. (Philology), professor, Department for Russian and Foreign Literature, Ural Federal University, Yekaterinburg

l.s.soboleva@mail.ru

The report is devoted to a special significance of sermons as a genre of writings in the end of XVII century. This research lets to understand complex processes of culture' and morality' developing in this period. According to this semantic point the genre of sermon has an extraordinary place. The theme of marriage, uncovering of gender's subordination and matrimonial roles is viewed as important for human's life story and his self-identity. So, the process of consolidation of woman's nature became the prime idea in the Premodern's writings. Also By the contrast with the medieval Christian interpretation, the idea of marriage became be reviewed in the context of human's life way and his destination. There was arising such interpretation of marriage as an element between government's institute and human fate. Besides the idea of marriage acted as a category for comprehension of Messia as the Fiance, who creat a new marriage - the New Testament. Thus, the marriage represented not as a temporary contract but an indissoluble union.

В докладе исследуется высокое значение жанра проповеди для понимания сложных процессов развития морали и культуры повседневности в конце XVII в. В этом семантическом ключе жанр проповеди занимает исключительное положение. Тема брака, выявление половой субординации и брачных ролей существенны для жизнеописания человека и его самоидентичности. Утверждение особенности женского начала в браке и соответственно в социуме - важнейшая тема книжности в преддверии Нового времени. В отличие об средневековой христианской трактовки брака как условия спасения души и избавления от греховных желаний, в XVII в. брак начинает рассматриваться в контексте жизненного пути и реализации человеком своего предназначения. Появляется понимание брака и семьи как связующего института государственного устройства и человеческой судьбы. В категориях брака осмысливается приход Мессии - Жениха, который заключит новый брак - Новый Завет. Таким образом, брак - не временный контракт, а нерасторжимое единство.

Yulia Shipitsyna

The Language of Natural Description in Eighteenth-Century Botanical Writings: Beauty vs Utility

MA (History), Laboratory Researcher, Laboratory for Studying Primary Sources, Ural Federal University, Yekaterinburg

shipitsyna.phd@gmail.com

The paper deals with the problem of making botanical discourse as a part of a more scale discourse of Natural history in the 18th century in Britain and Russia. The ways of thinking and writing about the world of plant reflect human's attitude to the world of nature. The main character of this attitude in the 18th century is a change from admiration to pragmatism. However according to the scheme of knowledge, created by Ephraim Chambers in "Cyclopedia" (1728) the discourse of natural history was the common area of science and art. Not only Natural history researches Nature of plants as a science, but also Gardening, Agriculture, Pharmacy and Medicine do it as arts. The Linnaean binominal principle of denomination and standards of botanical illustration let to make a special language, using of which the communication between scientists became better. But the Latin terms and visualization were also complement by images and metaphors. Authors motivated their auditory to explore the Nature World used such categories as Beauty and Utility. What these strategies had common and different? What approach to Botanical Writing was more popular in Britain and Russia and why? These questions will be contemplate in the cases of works by such eminent British naturalists as John Coackley Lettsom, Priscilla Wakefield, James Sowerby and Russian explorers as Petr Simon Pallas, Johann Anton Guldenstadt, Vasiliy Zuev.

В докладе затрагивается проблема конструирования ботанического дискурса как части более обширного естественноисторического дискурса в XVIII столетии в Британии и России. Способы рассуждать и писать о мире растений отражают отношение человека к миру природы. Основной чертой этого отношения в данный период стал переход от восхищения к прагматизму. Тем не менее, согласно схеме знания, представленной в «Циклопедии» Эфраима Чамберса (1722), дискурс естественной истории стал общим полем наук и искусств. Природа растений исследуется в русле не только науки, но и таких искусств как садоводство, агрономия, фармакология и медицина. Предложенный Линнеем биномиальный принцип наименования, а также стандарты ботанической иллюстрации позволили создать специальный язык, использование которого улучшило процесс коммуникации среди ученых. Вместе с тем латинская терминология и визуализация дополняются образами и метафорами. Авторы побуждают своих

читателей исследовать Мир Природы, используя такие категории, как Красота и Польза. Что было общего и различного у этих стратегий? Какой подход был более популярен в Британии и России и почему? Эти вопросы будут рассмотрены на примере работ таких выдающихся британских натуралистов, как Джон Кокли Леттсом, Присцилла Уэйкфилд и Джеймс Сауэрби и таких российских исследователей, как Петр Симона Паллас, Иоганн Антон Гюльденштедт и Василий Зуев.

Georgii Shpak

The Search for
“Objectivity”: Travelers and
Travelogues in Russia and
England in 17th-18th
centuries

PhD (History), Research
Fellow, Department of
Comparative History and
Theory of Civilizations,
Institute of World History,
Russian Academy of
Sciences, Moscow

geo.shpak@gmail.com

The images of space presented in the texts of the travelers can be viewed in different ways. For some, travelogues are a source of historical information, geopolitical or even scientific. The authors of these works rely entirely on the objectivity of travelers, but it should be noted that the idea of "objectivity" and "objective" methods of representing space were different in different eras. An attempt to present the existing models of representation can be both a successful experimental tool in the hands of the historian, and a screen that hides the true characteristics of the object under study. In the historian papers, travelogue could be understood as *khozheniya* (the Russian equivalent of itinerary), reports of merchants or diplomats, diaries of academic expeditions, notes of travelers and fictional descriptions of travel. All these texts describe movement in space in the first person, aimed at fixing images of space. However, the description of the space will depend on the author's idea of "objectivity". The report considers how the change in the concept of "objectivity" influenced the description of space in the texts of Russian and English travelers in the 17-18 centuries.

Образы пространства, представленные в текстах путешественников, могут быть рассмотрены с разных позиций. Для одних исследователей это источники исторических сведений, для других – геополитических и даже естественнонаучных. Авторы этих исследований всецело полагаются на достоверность приведенных сведений, на объективность авторов, но необходимо отметить, что понимание объективности и объективного различались от эпохи к эпохе. В работах историков под травелогом могут пониматься хождения (русский эквивалент итинерария), отчеты купцов и дипломатов, экспедиционные дневники, заметки путешественников и художественные путешествия. Все эти тексты описывают передвижения в пространстве от первого лица с целью объективного описания пространства. Однако его описание будет всецело зависеть от авторского понимания «объективности». В докладе будет рассмотрено, как трансформация понятия «объективности» влияла на описание пространства в текстах русских и английских путешественников в XVII-XVIII вв.